

росомахи» (Н. Шундик. Быстроногий олень); «Эйвээнэу была одета в традиционный *кэркэр* — женский меховой комбинезон» (Ю. Рытхэу. След росомахи); «Другие женщины сидели в тесном кругу и шили белый *кэркэр* из меха белого оленя» (В. Коянто. Верхние люди подождут).

Художественный текст не дает возможность судить о том, какой именно графемно-фонетический вариант оптимально отражает требования того или иного национального языка. Использование двух вариантов находим и в произведениях, посвященных чукотской тематике: «(...) ребятишки играли возле высокого, вкопанного в снег столба, пытаюсь забросить на его вершину *чаат*» (Ю. Рытхэу. Конец вечной мерзлоты); «Ходит Эгтинки медвежонком по стойбищу (...) следом всегда *чаут*-аркан волочится» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). Интересно, что вариант *чаут* отмечается и у нивхского писателя В. Санги: «*чаут* — ременный аркан» (Дарящий песни).

Значительно более редкое явление — это постоянное использование одного определенного варианта слова, которое в толковом словаре русского языка представлено двумя вариантами. Так, в четырехтомном Словаре русского языка зафиксированы формы *камас* и *камус* с пометой [саамск.]: «Шкура с голени лося, оленя и других копытных животных, идущая на изготовление обуви, рукавиц и др.» [18]. Северные писатели употребляют только второй вариант: «Льжи, подбитые *камусом*, легко и бесшумно скользят по пушистому снегу» (Г. Ходжер. Гайчи); «Самый дорогой материал для северных мастериц — олени *камусы*: шкурки с ног оленя» (Ю. Шесталов. В краю Сорни-най); «(...) целинный снег стал мягко ложиться под легкие охотничьи лыжи, обшитые *камусом*» (В. Санги. Изгин).

Графемно-фонетические варианты лексики национальных языков народов Севера должны составить объект специального исследования. Практические рекомендации к использованию одного или нескольких вариантов могут быть вынесены только на основании достаточно полной их каталогизации с учетом тех же признаков, которые выдвигались и в отношении вариантов тюркских заимствований. Здесь актуализируется тот аспект изучения национальной лексики, который наиболее тесно и непосредственно ориентирован на развитие лексической системы русского языка и на лексикографическую интерпретацию данного материала. Думается, что немало новых фактов может быть обнаружено не только при анализе употребления слов из языков народов Севера в русскоязычном тексте, но и при обращении к лексике тюркских языков в русских оригинальных и переводных произведениях, относящихся к якутской, кумыкской, карачаево-балкарской, тувинской и другим литературам тюркоязычных народов, живущих в разных регионах страны.

В то же время актуальна задача исследования самого процесса употребления словарных ресурсов национальных языков в условиях русского художественного текста, определения их смысловой и идейно-эстетической функции, их взаимосвязи с русским «окружением». Здесь встает существенный вопрос о целесообразности использования иноязычного слова, которое потенциально может быть заменено близким по значению русским словом. В связи с этим остановимся на двух примерах.

Первый: «(...) и подался Бровин на осень с лемутами (эвенами. — Н. М.) в тайгу заготавливать *мэрэтэ*. *Мэрэтэ* — дело не простое. Все лето и осень бригада заготовщиков кочует по берегам рек и речушек. Ищут лемуты дерево тополь. И не простое, а определенной длины и толщины. Когда дерево найдено, его валят, распиливают на чурки длиной в полтора метра. Определяют, какое дерево годное, еще когда оно на корню, тут нужен специалист (...) На чурках делается топором аккуратная продольная канавка. И вдоль по этой канавке опять же топором бревно расщепляется. Затем оно стесывается с двух сторон до толщины в палец. Получается пара заготовок. Один из концов у каждой заготовки чуть-